

БРАК ВАСИЛИЯ III

Узурпировав власть вопреки воле Боярской думы, Василий III на всю жизнь сохранил недоверие к могущественной московской аристократии. Он не проявлял снисхождения даже к родне, заподозренной в измене или недостаточно покорной. При Иване III Данила Холмский, происходивший из удельных тверских князей, стяжал славу победителя Ахмат-хана. Его сын Василий Холмский женился в 1500 г. на сестре Василия III, которая, однако, вскоре умерла. По родству с великокняжеской семьей и заслугам отца князь Василий мог претендовать на высший пост в думе. Однако родство со свергнутой тверской ветвью династии внушало подозрение самодержцу. В 1508 г. В. Холмский был арестован и сослан на Белоозеро, где вскоре умер.

Василий III питал доверие к младшему из братьев Андрею. С ним он совершил псковский поход. Старшие братья Юрий, Дмитрий и Семен получили приказ оставаться в своих уделах и таким образом лишились повода требовать участия в разделе завоеванной земли. Брат Семен в 1511 г. готовился бежать

в Литву, и лишь заступничество митрополита спасло его от опалы и тюрьмы.

Иван III надеялся завязать родство с датским королевским домом. Предполагалось женить наследника Василия на датской принцессе Елизавете. Хлопоты не принесли успеха.

Православные царства на Балканах были уничтожены турецким завоеванием, а брак с иноверкой считался нежелательным. В конце концов греки из окружения Софьи подсказали княжичу выход, сославшись на примеры из истории византийского императорского дома. Они посоветовали провести перепись невест по всему государству и на смотринах избрать невесту для наследника и соправителя Ивана III. Ходили слухи, что советник Василия Ю.Д. Траханиотов надеялся сосватать ему свою дочь. Брак с нею окончательно превратил бы московскую династию в «греческую», что едва ли прибавило ей популярность. Вопрос о браке решался в то время, когда Иван III был разбит параличом, а сторонники Дмитрия Внука не представляли намерения вернуть ему московскую корону.

Летом 1505 г. писцы «нача избирати княжны и боярыни». Для участия в смотринах в Москву свезли пятьсот девиц. Василий III остановил свой выбор на Соломонии Сабуровой. Сабуровы были известны Василию благодаря службе в его новгородском уделе. Отец невесты Ю.К. Сабуров служил наместником Корелы, входившей в состав новгородского удела Василия III. Растеряв наследственные вотчины, Сабуровы целым гнездом перешли на поместья в Новгород. Родня невесты не принадлежала к аристократии, а потому и не могла претендовать на боярский титул. По некоторым сведениям, отец Соломонии носил чин окольничего.

Посол Сигизмунд Герберштейн сообщил некоторые подробности о браке князя: «Василий... взял себе в жены дочь своего отменно верного и разумного советника, Георгия Сабурова, Соломонию; выдающиеся качества этой женщины омрачаются лишь ее бесплодием. Задумав жениться, Московитские Государи, по обычаю, делают выбор из всех молодых девушек в целом царстве и велят привезти к себе всех, особенно отли-

чающихся своею наружностью и душевными качествами. Потом они приказывают сведущим людям и надежным женщинам осмотреть их с такой тщательностью, что им дозволяется ощупать и исследовать даже более сокровенное. А затем уже, после долгого и мучительного ожидания родителей, достойной брака с царем признается та из них, которая придется по душе Государю».

Брак оказался неудачным, так как у супругов не было детей. По праву старшинства трон после смерти бездетного Василия должен был занять его дядя удельный князь Юрий. Притязания Юрия вызывали растущее беспокойство в великокняжеской семье. Впервые Василий III стал «думать» с боярами о своем разводе с бесплодной женой. Однажды, рассказывает летописец, князь великий, будучи за городом, разрыдался при виде птичьего гнезда. «Горе мне! — говорил он. — На кого я похож? И на птиц небесных не похож, потому что и они плодовиты; и на зверей земных не похож, потому что и они плодовиты; и на воды не похож, потому что и воды плодовиты; волны их утешают, рыбы их веселят». Взглянувши на землю, сказал: «Господи! Не похож я и на землю, потому что и земля приносит плоды свои во всякое время, и благословляют они тебя, Господи!»

Не совсем ясно, кто сочинил эти проникновенные речи, государь или книжники. Скорее всего книжники. Цель очевидна: внушить обществу сочувствие бездетному государю и оправдать заточение его жены в монастырь.

Вскоре Василий III начал «думать» с боярами, «с плачем говорил им: «Кому по мне царствовать на Русской земле и во всех городах моих и пределах? Братьям отдать? Но они и своих уделов устроить не умеют».

Бояре будто бы отвечали: «Государь князь великий! Бесплодную смоковницу посекают и измещут из винограда».

Разбод противоречил московским традициям, и духовенство не скрывало своего неодобрения действиями монарха. Последнему пришлось обратиться за благословением к ученым афонским монахам. Но монахи высказались против подготов-

лявшегося развода. Заручившись благословением митрополита Даниила, Василий III 23 ноября 1525 г. приказал начать розыск о колдовстве Соломонии. Брат великой княгини дал показания, что та держала у себя ворожею и прыскала заговоренной водой «порты» мужа, очевидно, чтобы вернуть его любовь.

Австрийский посол собрал подробные сведения о разводе московского князя. У великого князя, записал он, в течение двадцати одного года не было от Соломонии детей; рассерженный бесплодием супруги, он в год приезда посла, то есть в 1526 г., заточил ее в некий монастырь в Суздальском княжестве. В монастыре, несмотря на ее слезы и рыдания, митрополит сперва обрезал ей волосы, а затем подал монашеский кукуль, но она не только не дала возложить его на себя, а схватила его, бросила на землю и растоптала ногами.

Тогда Иван Шигона, один из доверенных советников Василия III, обругал ее и ударил, прибавив: «Неужели ты дерзашь противиться воле Государя? Неужели ты медлишь исполнить его веления?» Соломония спросила, по чьему распоряжению он бьет ее. Тот ответил: «По приказу Государя». После этих слов она заявила, что надевает кукуль против воли, по принуждению. Через неделю Соломонию насильно постригли в монашенки и отправили в Покровский девичий монастырь в Суздале. Великая княгиня продолжала противиться. Ее сторонники распустили слух, что она беременна.

Соломония была заточена в монастырь, а государь женился на Елене, дочери Василия Глинского Слепого, в то время уже покойного, — он был братом князя Михаила Глинского, который тогда содержался в плену. В это время пошла молва, что Соломония беременна и даже скоро разрешится. Этот слух подтверждали две женщины, супруги высших советников. Жена казнохранителя Георгия Малого Траханиота и постельничего Якова Мансурова. Люди уверяли, что они слышали из уст самой Соломонии признание в том, что она беременна и скоро разрешится. Услышав это, государь разгневался и удалил от себя обеих женщин, а одну, супругу Георгия, велел даже

подвергнуть бичеванию за то, что она своевременно не донесла ему об этом. Затем, желая узнать дело с достоверностью, он посылает в монастырь, где содержалась Соломония, советника Федора Рака (Ракова?) и некоего секретаря Потата и поручает им тщательно расследовать правдивость этого слуха. Во время тогдашнего пребывания Герберштейна в Москве некоторые утверждали как непреложную истину, что Соломония родила сына по имени Георгий, но никому не желала показать ребенка. Мало того, когда к ней присланы были некие лица для расследования истины, то она, говорят, отвечала им, что они недостойны того, чтобы глаза их видели ребенка, а когда он облечется в величие свое, то отомстит за обиду матери. Некоторые же упорно отрицали, будто она родила.

После развода монарх женился на княжне Елене Глинской. Сохранился Разряд свадьбы «великого князя Василья Ивановича всеа Руси, как понял княжну Олену княжну Васильеву дочь Лвовича Глинского лета 7034-го генваря в 21 день».

На свадьбе первые места занимали братья жениха: «На первый день в большом месте за столом сидел великого князя брат князь Юрьи Иванович, а в тысячцких брат же его князь Ондрей Иванович».

Почетные места занимали дружки молодого: «Князь Дмитрий Федорович Бельской со княгинею. Другой друшка Михайло Юрьев сын Захарьина». Бельский представлял знать литовского происхождения, Захарьин — старомосковскую аристократию. Дружками невесты были суздальские князья Михайло Васильевич и Борис Иванович Горбатые с княгинями. «Да с ними же в свахах были княж Ивана Васильевича Шуйского княгини Овдотья да Юрьева жена Малого Варвара». Жена Юрия Малого была, вероятно, женой Малого Траханиота, советника Софьи Палеолог.

«А за столом сидели боярыни князь Федорова княгини Ивановича Бельского Анна, князь Семена Холмского княгини Марья, Юрьева жена Захарьина Орина, Петрова жена Яковля (Захарьина) Анна, Михайлова жена Юрьева (Захарьина) Федосья.

А у зголовей у местных были: у великого князя зголовья Василей Шереметев. У великие княгини князь Олександра Кашин (Оболенский).

У постели бояре князь Иван Васильевич Немой Телепнев (Оболенский) да князь Семен Дмитриевич Серебряной (Оболенский). А боярони были у постели Марья Григорьева жена Федоровича, Олена Иванова жена Ондреевича, Огрофена Васильева жена Андреевича.

А свечю великого князя несли к месту и к церкви Петр Одолба княж Иванов сын Немого да Иван Семенов сын Карпова. А другую свечю несли Василей Лошка Семенов сын Карпова да Иван Горенской.

А фонарь над великого князя свечею носили Володя Васильев сын Поплевина да Иван Федоров сын Карпов. А над другою свечею фонарь носили Олешка да Васюк Михайловы дети Нагова.

А короваи носили: великого князя коровай несли Игнатей Жюлебин да Иван Михайлов сын Тучков, да Семейка Жюлебин, да Федька Немой Михайлов сын Нагова, да Юшка княж Иванов сын Кашин».

Сохранилось описание свадьбы великого князя Василия. В средней палате наряжены были два места, покрытые бархатом и камками, положены были на них изголовья шитые, на изголовьях — по сороку соболей, а третьим сороком опахивали жениха и невесту; подле поставлен был стол, накрытый скатертью, на нем были калачи и соль. Невеста шла из своих хором в среднюю палату с женою тысяцкого, двумя свахами и боярынями, перед княжною шли бояре, за боярами несли две свечи и каравай, на котором лежали деньги. Пришедши в среднюю палату, княжну Елену посадили на место, а на место великого князя посадили ее младшую сестру; провожатые все сели также по своим местам. Тогда послали сказать жениху, что все готово; прежде его явился брат его, князь Юрий Иванович, чтоб рассажать бояр и детей боярских; распорядившись этим, Юрий послал сказать жениху: «Время тебе,

государю, идти к своему делу». Великий князь, вошедши в палату с тысяцким и со всем поездом, поклонился святым, свел с своего места невестину сестру, сел на него и, посидевши немного, велел священнику говорить молитву, причем жена тысяцкого стала жениху и невесте чесать голову, в то время богоявленскими свечами зажгли свечи женихову и невестину, положили на них обручи и обогнули соболями. Причесавши головы жениху и невесте, надевши невесте на голову кичу и навесивши покров, жена тысяцкого начала осыпать жениха и невесту хмелем, а потом соболями опаживать; великого князя дружка, благословясь, резал перепечу и сыры, ставил на блюдах перед женихом и невестою, перед гостями и посылал в рассылку, а невестин дружка раздавал ширинки. После этого, посидевши немного, жених и невеста отправились в соборную Успенскую церковь венчаться, свечи и каравай несли перед саями. Когда митрополит, совершавший венчание, подал жениху и невесте вино, то великий князь, допивши вино, ударил скляницу о землю и растоптал ногою; стекла подобрали и кинули в реку, как прежде велось; после венчания молодые сели у столба, где принимали поздравления от митрополита, братьев, бояр и детей боярских, а певчие дьяки на обоих клиросах пели новобрачным многолетие. Возвратившись из Успенского собора, великий князь ездил по монастырям и церквам, после чего сел за стол; перед новобрачными поставили печеную курицу, которую дружка отнес к постели. Во время стола споры о местах между присутствовавшими были запрещены. Когда новобрачные пришли в спальню, жена тысяцкого, надев на себя две шубы, одну как должно, а другую наыворот, осыпала великого князя и княгиню хмелем, а свахи и дружки кормили их курицею. Постель была постлана на тридцати ржаных снопах, подле нее в головах в кадке с пшеницею стояли свечи и каравай; в продолжение стола и во всю ночь конюший с саблею наголо ездил кругом подклета; на другой день, после бани, новобрачных кормили у постели кашею.

* * *

По наблюдению А. Зимина, второй брак разделил жизнь Василия III на два периода. Во время брака с Соломонией, сим-волизировавшего определенную политическую программу, государь опирался на круг старомосковских бояр, «выражавших интересы широких кругов дворянства». Брак с Глинской, как полагают, принес с собой крутой поворот в политической линии Василия III, приведший к возвышению княжеской аристократии. При всем значении браков в великокняжеской семье их влияние на политическое развитие не следует преувеличивать. Невзирая на княжеский титул, Глинская не принадлежала к кругу правящей аристократии России. Она была сиротой, а ее дядя М. Глинский был осужден на пожизненное заключение за государственную измену. После свадьбы Василия III и Глинской ее дядя еще год находился под арестом и надзором.

Вслед за разводом Василий III приказал составить список невест, но при этом провести сыск их родства, «чтоб которой девке не было племени Щенятевых и Плещеевых». Запрет на участие в смотринах распространялся на семьи, принадлежавшие к первостатейной московской знати. По отцу Щенятев происходил из рода Патрикеевых, а по матери — князей Суздальских. Плещеевы выделялись среди старомосковской нетитулованной знати. Круг родства этих двух фамилий был весьма широк. Таким образом, уже на первом этапе смотрин выявилось отношение государя к своей знати. Не удастся подтвердить фактами тезис об усилении аристократии в конце жизни Василия III. Московский государь, писал в своих «Записках...» австрийский посол С. Герберштейн, не доверяет своей знати и делает исключение лишь для детей боярских, «то есть знатных лиц с более скромным достатком, таких лиц, придавленных своей бедностью, он обыкновенно ежегодно принимает к себе и содержит, назначив жалование».

История поместий подтверждает наблюдение посла. Первоначально конфискованные у новгородских бояр земли были

разделены московской знатью. Но затем последовал передел земель. Знать была выведена из Новгорода, а поместья получили в массе рядовые дворяне и дети боярские. Широкая задача поместий оставалась стержнем политики Василия III на протяжении всей его жизни.

Правление Василия III вело к укреплению самодержавных порядков в России. Придворный Ивана III И. Берсень-Беклемишев с осуждением говорил, что Василий III не проявляет уважения к старине, а дела делает не с Боярской думой, а с избранными советниками в личной канцелярии. «Ныне, деи, — говорил Берсень-Беклемишев, — государь наш, запершыся, сам-третей у постели всякие дела делает». При Иване III Берсень-Беклемишев сам служил «у постели», иначе говоря, в личной канцелярии государя. Но при Василии III значение названной канцелярии непомерно разрослось. Главными лицами, вершившими дела в канцелярии, были отнюдь не высшие титулованные сановники государства, а худородные в глазах князей советники государя наподобие М.Ю. Захарьина и сына боярского Ю. Шигоны-Поджогина. Происшедшие перемены грозили катастрофой. «Которая земля переставливает обычаи свои, — говорил политический вольнодумец Берсень-Беклемишев, — и та земля недолго стоит, а здесь у нас старые обычаи князь великий переменял, ино на нас которого добра чаяти?»

К XVI в. монастырям принадлежали обширные процветающие вотчинные владения в центре и на севере России. Секуляризация этих вотчин позволила бы московским властям окончательно сформировать в центре государства всеобъемлющий фонд государственных земель, который можно было использовать для обеспечения поместьями всех членов московского двора. Общественная мысль не могла не реагировать на потребности времени.

Церковный собор 1503 г. решительно отверг проекты секуляризации земель у московских монастырей. Тем не менее после названного собора русское «нестяжательство»

вступило в пору своего расцвета. Чрезмерное обогащение монастырей, практика пожертвования обителям вотчин и сокровищ дали повод для возобновления споров о природе монашества.

Возникновение русского «нестяжательства», как отмечено выше, связано с деятельностью Нила Сорского и князя-инока Вассиана Патрикеева. Нил Сорский сосредоточил внимание на вопросах нравственного совершенствования личности. Ученик Нила Вассиан, в миру князь Василий Косой Патрикеев, сделал блестящую карьеру при дворе своего дяди Ивана III. В тридцать лет он пережил опалу и был насильственно пострижен в Кирилло-Белозерском монастыре. Князь-инок преуспел в изучении Священного Писания и со временем стал одним из лучших церковных писателей России. Но, надев рясу, он продолжал смотреть на мир глазами опытного политика.

Назначения церковных иерархов весьма точно отразили успех нестяжателей в первые годы правления Василия III. В 1506 г. старец Варлаам был вызван из заволжских пустыней и назначен архимандритом столичного Симонова монастыря. В мае 1509 г. великий князь приказал свести с Новгородского архиепископства Серапиона. 30 апреля 1511 г. сложил сан митрополит Симон. Оба святителя несли прямую ответственность за провал правительственного проекта секуляризации церковных земель на соборе 1503 г.

Отставка двух старших иерархов привела к полному обновлению церковного руководства. 3 августа 1511 г. митрополитом стал симоновский архимандрит Варлаам, известный своей близостью к нестяжателям. Памятуя о резком столкновении Ивана III с Геннадием, Василий III запретил священному собору посылать в Новгород нового архиепископа. Новгородская кафедра оставалась вакантной семнадцать лет.

Вассиан Патрикеев находился в дружеских отношениях с Варлаамом. Именно Варлаам в 1509 году вызвал князя-

инока в Москву и поселил его в Симоновом монастыре. Со временем Патрикеев стал одним из самых влиятельных лиц при великокняжеском дворе. Писец Михаил Медоварцев так характеризовал значение князя-инока: «великий временной человек, у великого князя ближней». Пользуясь покровительством монарха и поддержкой главы церкви, Вассиан выступил с резкими нападками на Иосифа Волоцкого (Санина). Иосифо-Волоколамский монастырь порвал с удельным государем и перешел под покровительство Василия III. Но это не изменило отношения государя к Волоцкому. В 1512 г. Иосиф жаловался великокняжескому дворецкому, что подвергается «хуле и злословию» Вассиана, но не может оправдаться из-за запрещения государя. В заключение игумен смиренно просил боярина, чтобы тот «печаловался» за него Василию III.

Прения между Вассианом и Иосифом привели к возобновлению споров о монастырских селах. Сочиненная в более позднее время повесть «Прения Иосифа» излагает следующий диалог двух известных церковных деятелей. Иосиф Волоцкий якобы упрекнул Вассиана за то, что тот учит государя у монастырей и церквей «села» отнимать. Вассиан отвечал ему словами: «Сие, Иосифе, на мя не лжеши, что аз великому князю у монастырей села велю отымати и у мирских церквей».

«Прения» явились памятником публицистики. Тенденциозность этого сочинения сказалась не в фабрикации сведений о выступлении Вассиана против монастырского землевладения, а в освещении характера этого выступления. Нестяжатели никогда не «велели» государю отбирать церковные земли в казну. Тем, кто удалился от мира и дал монашеский обет, доказывал Нил, «не достоин сел имети». Вассиан Патрикеев следовал заветам учителя. Самая характерная черта русского нестяжательства заключалась в неприятии насилия как средства исправления монашества. Секуляризация могла стать спасительной мерой лишь тогда, когда монахи сами пришли бы к осознанию ее необходимости.